

ТАЙНАЯ ГВАРДИЯ БЕРИИ

ОГНЕННЫЙ ВОЗДУХ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Огненный воздух / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Тайная гвардия Берии).

ISBN 978-5-04-248561-9

1944 год. В небе над Словакией фашисты проводят испытания нового образца реактивного истребителя. Однако во время полета двигатель отказывает, и опытная модель самолета падает в болото. Летчику и бортиженеру удается выпрыгнуть с парашютом. Узнав об аварии, советская контрразведка решает захватить упавшую машину и направляет в район крушения группу спецназа подполковника Максима Шелестова. Тем временем спасшегося бортиженера абвер планирует переправить в Германию вместе с его секретным отчетом об испытаниях. Узнав об этом, Шелестов без промедления предлагает товарищам дерзкий план...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248561-9

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Мощный самолет, окрашенный в темно-зеленый цвет и с двумя двигателями под крыльями, все набирая скорость, несясь по мокрой после ночного дождя взлетной полосе. Сегодня здесь, в Варнемюнде, отрабатывался взлет с ускорителями и полет на дальность с дополнительными баками для горючего. Новый реактивный многоцелевой самолет готовился к серийному производству. Его модификацию самолета-разведчика очень ждали на восточном фронте. Свист реактивных двигателей звучал иначе, чем звук винтовых. Обер-лейтенант Гайер полюбил эту машину за ее мощь, скорость. Несмотря на свою молодость, он был одним из лучших пилотов-испытателей в авиастроительной компании. И вот уже около месяца он испытывает новую машину, вылетая то в одиночку, то вместе с инженером Арту-

ром Штернбергом, который снимал показания с приборов, выведенных с основных узлов на панель перед его креслом, установленным рядом с летчиком.

— Отрыв, — проговорил в микрофон летчик. — Набор высоты. Отключаю ускорители. Высота восемьсот, перехожу в горизонтальный полет по квадрату.

— Норма, — отозвался инженер. — Закачивай горизонтальный участок, и набираем три тысячи.

Мерно гудели двигатели, ощущался свист воздуха в обтекателях. Инженер что-то записывал в своих формулярах, заполнял какие-то таблицы, посматривая на показания приборов. Сегодня появилась разница в показателях правого и левого двигателей на горизонтальном участке. Но когда самолет потянул вверх, когда пилот начал форсировать обороты, разница исчезала.

Сегодня программа полета была дополнена и проверкой работы новой фотопаратуры самолета-разведчика. Полет над территорией рейха был закончен, и самолет вошел в воздушное пространство протектората Богемии и Моравии. Программа полета заканчивалась. Иногда приборы показывали не совсем те параметры, которые должны были фиксироваться на дан-

ном режиме полета, но с этим можно было разобратся уже на земле.

— Возвращаемся, Юрген, — неожиданно сказал в переговорное устройство инженер.

— Возвращаемся? А как же проверка «потолка»? Топлива еще много в дополнительных баках.

— Проблемы с правым двигателем. Нужно будет подумать на земле в лаборатории.

— Понял, герр инженер, — пожал плечами пилот, не чувствовавший разницы, которую улавливали датчики. — Выполняю.

Не прошло пятнадцати минут, как правый двигатель вдруг стал резко терять обороты, а потом приборы стали показывать повышение температуры. Инженер нервно кусал губы, а когда пилот снова попытался запустить двигатель, он буквально схватил его за руку.

— Нет, Юрген, не делай этого. Он может загореться. Температура критическая. Надо идти на вынужденную, иначе мы потеряем двигатель. Если он сгорит, то причину выхода из строя найти будет сложно.

— Левый! — нервно крикнул пилот.

Сбои начались и в левом двигателе. Самолет стал заметно терять высоту. Гайер начал лихорадочно искать внизу подходящую площадку, хоть чистое поле, чтобы посадить машину в планирующем режиме.

— Сброс! — крикнул ему инженер, и летчик сразу же нажал кнопку сброса топлива из дополнительных топливных баков.

— Высота две тысячи, герр инженер! Я не смогу посадить машину.

— Двигатель?

— Не запускается!

— Еще, Юрген, пробуй еще!

— Не запускается!

— Черт, прыгаем! — закричал инженер и принялся отстегивать привязные ремни.

Берия вошел в кабинет Сталина, как всегда испытывая двоякое чувство. Особенно в те минуты, когда «хозяин» был раздражен. Они были знакомы давно, вместе начинали борьбу с царизмом. И сейчас, в 1944 году, Лаврентий Берия оставался практически единственным из старых соратников Джугашвили, кто мог называть его по его революционной кличке Коба и на «ты». И все же следы прошлых равных отношений оставались сейчас не более чем данью традиции, привычки обоих. Может быть, Сталин позволял это Берии потому, что сам в какой-то мере тосковал о тех годах воодушевленной борьбы, великих свершений. Это потом, когда многие друзья и соратники оказались несогласными с идеями вождя, с его планами, они незаметно

отходили в тень, а иногда и исчезали в лагерях. И Берия остался единственным из старых, кто принял все и горячо поддерживал. Не возражал, не критиковал, а реально предлагал продуманные и взвешенные пути решения того или иного вопроса. После начала войны голод на таких соратников был очень силен. Большею частью Сталина стали окружать послушные и практически безынициативные марионетки, боявшиеся его гнева, боящиеся собственных ошибок и сурового наказания. Берия хорошо видел, что Сталин по-прежнему старается окружить себя людьми по принципу прежде всего личной преданности, а уж потом компетентности.

— Ну что, Лаврентий, ты по-прежнему будешь настаивать, что новые немецкие самолеты с реактивными двигателями могут повернуть войну вспять?

— Нет, Коба, войну вспять уже ничем не повернуть! — уверенно сказал Берия, вспоминая, откуда Сталин взял это, ведь он никогда ничего подобного не говорил про поворот войны. — Я верю в наш народ, верю в нашу армию, в наших соколов и наших ученых. Фашизм обречен, он хватается за каждую новую разработку, если она способна дать практический результат в течение нескольких месяцев. Самолеты на реактивной тяге Германия не в состоянии произво-

дить в том количестве, которое необходимо, на их взгляд.

— Тогда что же? — желтые тигриные глаза Сталина смотрели выжидающе, скорее даже нетерпеливо.

— Если мы будем располагать информацией о том, как далеко продвинулись немецкие инженеры в этом направлении, то советская научная мысль сможет создать свои двигатели, превосходящие немецкие. Я верю в наших ученых!

— Значит, ты говоришь, что их реактивные самолеты трудно сбивать?

— Особенно новую модификацию самолета-разведчика Арадо Ar 234 «Блитц». Я отправляю группу разведчиков, Коба, которые уже выполняли сложные операции в тылу врага. Но одно дело захватить документы, а другое — целый самолет, который упал в болото. И пока в зоне падения самолета находятся и пилот-испытатель, и авиационный инженер, который был на борту во время этого испытательного полета. Эти люди нам тоже нужны, особенно инженер.

— Восточнее города Прешов, в долине реки Топля, — подходя к карте на стене, проговорил Сталин и ткнул пальцами с зажатой в них папиросой. Курить трубку Сталину запретили врачи еще в прошлом году.

— Да, это произошло там, — согласился Берия и с волнением подумал, что «хозяин» наконец согласился с его доводами и сейчас отдаст кому-то нужный приказ.

— Утром я подписал директиву. — Сталин вернулся к столу и, вытащив из большой красной папки лист бумаги, бросил его на стол перед Берией. — 1-му Украинскому фронту подготовить и провести наступление из района Кросно — Санок в общем направлении на Прешов, выйти на границу Словакии и соединиться со словацкими войсками. 2-му Украинскому фронту нанести удар с юга через Брашов и Сибиу в направлении на Клуж. Вся операция планируется на глубину девяносто — девяносто пять километров и продолжительностью пять суток.

— Мы успеем, Коба!

— Ты должен успеть, Лаврентий, — спокойно ответил Сталин и снова посмотрел Берии в глаза, как будто хотел подчеркнуть, что успеть должны не вы — не разведгруппа и те, кто готовит эту операцию по захвату самолета, а именно он — Лаврентий Берия. — Это наступление планировалось провести позже, но чехословацкое правительство обратилось к нам с просьбой начать раньше и помочь восстанию, помочь словацкой народной армии в освобождении своей страны.

Группа Шелестова ждала наркома в приемной его кабинета с часу ночи, но Берия все не возвращался с ближней дачи Сталина. Не было в приемной и Платова. Группа провела полночи в полном молчании, не зная, о чем думать, о том, какого рода им предстояла операция. Ясно было лишь одно: группу собрали экстренно, и снова придется входить в курс дела на ходу и включаться в операцию практически без подготовки. Наконец в три часа ночи в коридоре послышались негромкие торопливые шаги. Берия вошел в приемную, бросил фуражку на вешалку-стойку в углу и коротко приказал:

— Заходите!

Когда оперативники, повинуясь кивку наркома, уселись возле приставного стола для совещаний, Берия поднял трубку внутреннего телефона и кому-то коротко сказал: «Жду». В кабинете установилась тишина. Берия сидел за своим рабочим столом и перебирал какие-то бумаги у себя на столе. И делал он это, очевидно, без особой надобности. Обстановка была непривычной и напряженной. Оперативники не переглядывались, каждый был погружен в свои думы. Шелестов сидел прямой, сосредоточенный и смотрел в сторону окна. Буторин, сложив в замок пальцы рук на столе, смотрел на свои пальцы, чуть ими шевеля. Коган на-

хохлился, как черный ворон, и заметно злился. И только Сосновский выглядел равнодушно-ленивым. Он сидел, откинувшись на спинку стула, его руки безвольно лежали на коленях, а взгляд чуть скользил по настенным светильникам кабинета.

— Разрешите! — В открывшейся двери кабинета возник Платов, и почти все облегченно вздохнули. Оперативникам на миг показалось, что даже Берия вздохнул облегченно.

Платов прошел к столу, занял место рядом с Шелестовым за приставным столом и положил на стол черную папку.

— У меня все готово, Лаврентий Павлович, — повернув голову к Берии, доложил Платов. — Вы уже поставили задачу группе или это сделать мне?

— Твоя гвардия, ты и командуй, — проворчал Берия. — Я свое дело уже сделал.

— Он согласился? — быстро спросил Платов.

Берия только кивнул в ответ и, откинувшись на спинку кресла, стал смотреть на оперативников, видимо, пытаясь уловить все тонкости их настроения, когда они станут получать задание. Платов пружинисто поднялся, подошел к стене, на которой за занавеской находилась карта Восточной Европы. Он взял указку, но карту пока открывать не стал. Сейчас комиссар госбезопас-

ности был похож на школьного учителя. Только его глубоко посаженные глаза совсем провалились и были очерчены черными кругами от хронической усталости и недосыпания.

— Германские ученые с 1939 года пытаются создать авиационные двигатели реактивной тяги, — начал Платов. — Им удалось далеко продвинуться в этом вопросе, но до массового строительства подобного типа самолетов конвейерной сборки им еще далеко. На фронтах уже появляются бомбардировщики, многофункциональные истребители и самолеты-разведчики с реактивными двигателями, но перелома в войне от этого ждать не приходится. И все же беспокоиться нам есть о чем, как и в вопросе создания фашистами оружия массового поражения. Мы должны получить исчерпывающие сведения о техническом продвижении немцев в этом вопросе.

Платов отодвинул занавеску и обвел указкой небольшой участок территории на востоке Словакии.

— Здесь, восточнее города Прешов, в долине реки Топля, во время испытательного полета совершил вынужденную посадку, а точнее, попросту упал в болото немецкий самолет-разведчик Арадо Ar 234 «Блитц». Экипаж в составе пилота и инженера-испытателя остался цел, вы-

бросившись на парашютах. Самолет, по нашим данным, тоже цел, но он основательно завяз в болоте, и вытащить его оттуда не так просто. Немцы попытаются его достать и эвакуировать из прифронтовой зоны. По нашим сведениям, пилот не пострадал, а инженер-испытатель находится в госпитале.

— Наша задача? — спросил Шелестов.

— Разумеется, добраться до самолета, — без тени улыбки ответил Платов, — добыть техническую документацию, имеющуюся на борту или у инженера, ну и пилот с инженером нас тоже интересуют. Но это программа-максимум, так сказать.

— Они стянут туда войска, как только поймут, что советская разведка знает о происшествии и делает попытки захватить данные, — задумчиво проговорил Буторин, по привычке поглаживая свой седой ежик на голове.

— Могут не успеть, — вдруг сказал Берия и обвел пристальным взглядом всех присутствующих. Стекла его очков блеснули как-то особенно недобро. — Я этого не имел права вам говорить, но вы идете на такое дело, что знать должны. Сталин подписал директиву 1-му Украинскому фронту начать досрочно Восточно-Карпатскую операцию в зоне своей ответственности общим направлением на город Прешов.

Согласно этому плану, двинутся войска и двух других фронтов.

— Да, спасибо, — кивнул Берии Платов. — Это очень важно вам понимать, товарищи. Ваша задача если не организовать работы по извлечению самолета из болота, то уж как минимум помешать немцам сделать это. А инженера и пилота неплохо было бы выкрасть и доставить к нам. Необходимую помощь вы получите от словацких товарищей. Движение Сопротивления там в самом разгаре. Более того, словацкое профашистское правительство потребовало ввода в протекторат немецких войск. Само же Сопротивление продекларировало намерение создать объединенную Чехословацкую Социалистическую Республику. Поэтому помощь вам там будет.

— Учтите, — снова заговорил Берия, — что район тяжелый. Прорваться через Карпаты, через защищенные перевалы не так просто. Но задача более серьезная в стратегическом плане. Прорваться за Карпаты и создать плацдарм для последующего развития наступления и освобождения братских народов Восточной Европы от нацистского порабощения. Что бы ни случилось, как бы ни повели себя словаки, как бы ни развивалось наше наступление, вы должны помешать эвакуации самолета, вы должны получить технические сведения. Вот ваша задача!

— Немцы держат в секрете падение самолета, — развел руками Платов. — Видимо, они пришлют в протекторат свою команду со своим офицером СД, который и займется охраной и извлечением из болота самолета. А пока...

Летняя ночь опускалась на город. Словацкий Прешов, как и большинство городов Восточной Европы, сдавшейся немецким нацистам практически без сопротивления, остался целым. Они не испытали ужасов войны, оккупации. Здесь не проходили кровопролитные бои. Чехословакия сдалась, подчинилась Берлину, создавшему здесь протекторат Богемии и Моравии. Да, сохранилась видимость самостоятельности, здесь даже не было войск вермахта, а были созданы свои, словацкие силы самообороны протектората, за порядком следила своя, словацкая полиция. Но это была лишь иллюзия мира и покоя. И то, что это была лишь иллюзия, чувствовалось во всем. Частые облавы на улицах посреди белого дня, ночные рейды по окраинным кварталам, когда солдаты врываются в квартиры и дома в поисках партизан и подпольщиков. Частые вооруженные стычки, стрельба, взрывы напоминали, что не все словаки смирились с порабощением. Есть еще в стране патриоты, которые готовы с оружием в руках, ценой своей

жизни сбросить это ярмо захватчиков. И самым ужасным для жителей словацких городов было сознавать, что свои же земляки, которых оказалось немало, готовы, как дворовые псы, служить верой и правдой немцам за хорошее питание, за хорошее жалование, за надежду выжить, подняться над согражданами, втоптать в грязь, убить любого, кто покусится на их раболепское подчинение нацистскому господину.

В Прешове не был установлен комендантский час. Фронт был еще далеко, и то, что Красная Армия наступала и гнала захватчика со своей земли, знали немногие. Нацистская пропаганда работала четко: Советский Союз вот-вот падет под мощными ударами вермахта, скоро немецкие части войдут в Москву, Петербург покорен и вымирает, потому что осмелился оказать сопротивление. И все же чувствовалось напряжение во всем. Совершенные формы улиц, некогда наполненные беззаботными обывателями, смехом и жизнью, сейчас выглядели угрюмыми и мрачными. Над мирным городом незримо тяготела мрачная фигура оккупанта.

Буторин еще немного постоял, прижимаясь в темной нише спиной к какому-то строению готического стиля. Он уже два часа пробирался по ночным улицам Прешова, прячась при появлении редких прохожих или патрулей

в арках домов, под покровом густой листвы. Он двигался с осторожностью, словно тень, сливаясь с темнотой узких улочек. Пасмурное небо изредка пропускало лунный свет, и тогда разведчик подолгу находился в тени какого-нибудь здания в ожидании, когда природа снова опустит на город непроницаемую вуаль ночи. Обходить освещенные участки улиц, свет, падавший из окон квартир, удавалось. Если же такой участок улицы миновать окольными путями не получалось, Буторин выжидал, убеждался, что на улице не было прохожих, пересекал опасное место и снова растворялся в темноте.

Путь к явочной квартире был опасен тем, что был абсолютно незнаком. Изучить очертания улиц по карте — это одно. Пройти по этим улицам, вспоминая карту, сложнее. Для этого нужны особые навыки, нужен опыт, хорошая фотографическая память и умение ориентироваться в сложной ситуации, мгновенно принимать решение. Сейчас Буторин был в этом городе чужаком, но он должен в короткий срок стать своим, слиться с этим городом и его жителями настолько, чтобы перестать выделяться. Война безжалостна, она не прощает ошибок.

Разведчик остановился у перекрестка, где слышались шаги комендантского патруля. Он затаил дыхание, замерев под аркой старого

дома. Шаги приближались. Несколько секунд — бесконечных, как вечность, — и патруль прошел мимо, не заметив затихшей тени. В такие минуты, если ты излишне эмоциональный человек, собственное сердцебиение кажется громче, чем чеканный шаг патруля. И чудится, что оно может выдать тебя.

Буторин медленно повернулся вслед уходящему патрулю, прислушиваясь к угасающему эху. Звуки удалялись, отдаваясь все слабее, пока не растворились в шелесте легкого ночного ветерка. Выждав немного, Виктор наконец ослабил руку, чувствуя, что ладонь стала влажной. Он отпустил рукоять пистолета и вытер ладонь. Еще несколько мгновений, чтобы убедиться, что опасность миновала, и он осторожно выглянул из своего укрытия. Огоньки окон слабым светом проблескивали сквозь толщу ночной темноты, придавая городу нечто тревожно-привлекательное.

Буторин выпрямился и быстро пересек улицу, ныряя в очередной переулок. Вот и цель — каменное здание с неприметной дверью. Можно было бы и ошибиться, но несколько характерных примет здания, которые были известны Буторину, позволяли не ошибиться. Выбитый кирпич в нижней части рельефной кладки, ржавый гвоздь от крепления когда-то к стене не-